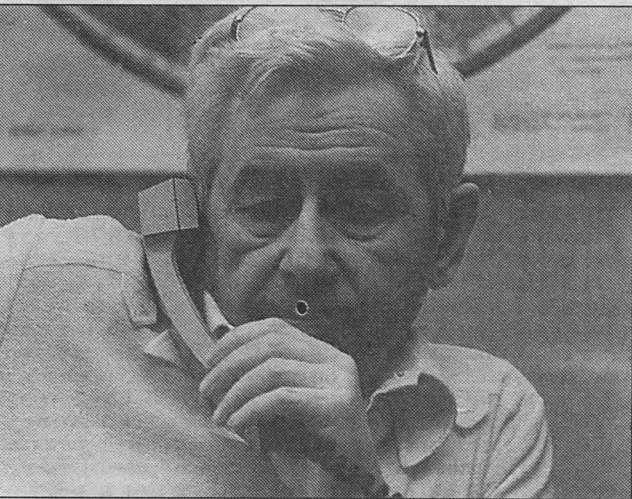

Михаил ЛЬВОВСКИЙ: А помнишь, многие критики, оценивая "Звонят, откройте дверь!", говорили, что это продолжение темы "маленького человека. То есть как раз то, что сыграл Ролан Быков. Будто его Колпаков (трубач оркестра) как раз и есть тот самый "маленький человек". И это было в те времена, когда "неустроенность" судеб героев напрямую связывалась с занимаемым в обществе положением. Вообще-то про "недостигших" писать было опасно, моментально навешивался ярлык

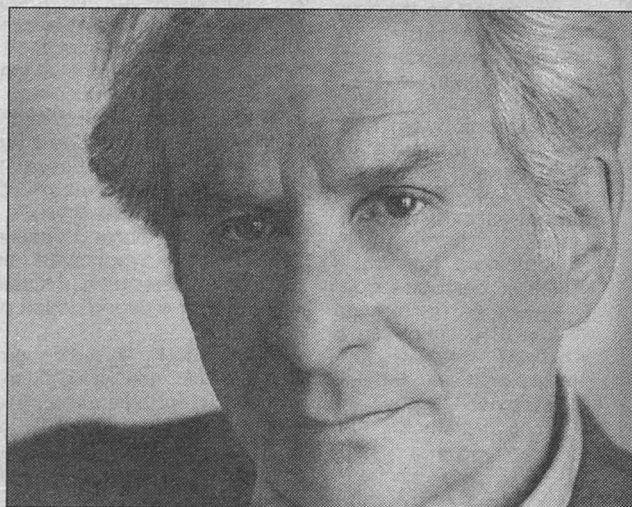

Михаил Львовский

– Нет, нет... Он делает то, что ему по силам, но с полной душевной отдачей, и это его радует.
– Но известно, что всякое творчество зависит и от того, удовлетворен ли человек работой. Ему завывать для себя планку опасно, потому что это грозит муками Сальери.
– Совершенно верно. Завывать свою планку всю жизнь все равно не получится. Смешно зависнуть ее на миллиметр, когда счет идет на миллионы километров по сравнению с Толстым или Бетховеном! И в конце, кстати, когда Колпаков играет свой сигнал "Всем, всем..." это лучше, чем то, что делает скрипач. Так, по-моему.
– Понимаешь, миллионного количества солистов быть не может. А что делать несолистам? Завидовать солистам? Нет же. Очень здоровая психология у Колпакова.
– И еще вот что. Он открыт людям. Открыт. У меня этого нет. Поэтому для меня это качество в людях выше всего. А у скрипача этого качества нет. Он закрыт и закрывается от всего в жизни. Как и я, к сожалению... Как, наверное, и многие. Мне так хочется сказать: меня нет! Меня нет! Ой, кто там еще?! Никого бы больше не надо! У меня даже был стих, который я написал в растерзанном состоянии об отращивании к жизни и ко всему, и мне он казался хорошим и, кстати, друзьям тоже. Вот Булату Окуджаве и Кушнеру.
– Это какое стихотворение?
– "Простите, простите, простите меня. И я вас прощаю, и я вас прощаю..." И мне это очень нравилось, это точно выражало мое состояние в то время, когда мне все стало отвратительно и в то же время...
– Прочти его.
– Простите, простите, простите меня. И я вас прощаю, и я вас прощаю! Я зла не держу, это вам обещаю. Но только вы тоже простите меня.

Забудьте, забудьте, забудьте меня.
И я вас забуду, и я вас забуду.

удовлетворенность собой, его довольство собой, ирония по отношению к другому способу жить – для меня отвратительны. Поэтому я его просто исключил в книжном варианте. Мне лично очень близок персонаж Смоктуновского, с его смешными терзаниями. Или не смешными. Они были наверняка и у Колпакова, только он никому этого интеллигентно не показывал. Ни-ко-му. А вот радостным восприятием мира он пытался заразить и других.
– Для меня очень важна и интересна проблема: "достиг-не достиг". Помнишь, в конце 60-х очень модно бы-

Александр Володин

Разговор по душам с Александром Володиным

"мелкотемья", страшненькое слово по тем временам. Так "достиг" Колпаков или "не достиг" чего-либо в жизни? Состоялся или нет? Я-то с этими взглядами категорически не согласен. Твое мнение?

Александр ВОЛОДИН: Я тоже согласиться с этим никак не могу, хотя бы потому, что способность человека удивляться, радоваться тому, что тебя окружает, – для меня лично означает очень многое. Это определяет ценность и крупность человека. Для меня это очень важное обстоятельство, потому что, когда человек не может видеть ничего радостного в трудных обстоятельствах, такой человек может быть очень хорошим, но для меня – не идеал!

Что для меня было так важно в Колпакове? Да, он умеет быть стойким, способен радоваться и удивляться. Он в восторге от знаменитого скрипача, который засучен, которому нелегко живется, несмотря на свою известность и успех. А Колпаков, наоборот, оптимист и счастливый человек. Он преклоняется не только перед знаменитым скрипачом, но и перед тем давним, давним трубачом, который шел впереди отряда, а сам он и пионером-то не был. И это умение радоваться всему, что его окружает, – гостям, детям – это "топливо" для его счастливого существования.

Счастливого, несмотря на то, что он находится в самом, казалось бы, убогом положении из всех героев фильма. Он живет с женой, которая любит другого, своего бывшего мужа, он не играет на скрипке. У него нет сольных концертов. Да... он играет на трубе. Я сам, кстати, очень любил в детстве духовой оркестр, который играл в парке Культуры и Отдыха, другой музыки я тогда и не знал. Я очень любил военный оркестр, трубы! И Колпакову я дал трубу, чтобы в конце зазвучала эта мелодия "Всем, всем, всем!", которая должна была жить в душе героя с самого начала. В этом суть образа. Быков ее выявил прекрасно.

– А как ты относишься к тщеславию и его отсутствию?
– Я очень плохо отношусь к тщеславию, когда оно делает человека надменным, упоенным собою. Мне всегда было не по себе, когда кто-нибудь, ничего не замечая вокруг, рассказывает о чем-то. А я слушаю и думаю: "а я вот сейчас как раз погибаю"... Чехов как-то говорил, что когда человек творит, он может поднять шкаф. А я вот не могу поднять шкаф. У меня никогда не было чувства, что я сделал что-то значительное, эдакое! А вот противоположное чувство, которое близко к этому, – стыд за то, что получилось плохо по моей вине, или не по моей вине, – стыд и мучения по этому поводу, они оборотная сторона тщеславия. Это я испытываю.

– Не кажется ли тебе, что такое противопоставление двух образов – скрипач и трубач (он-то как раз твой герой) – это и есть два характера: один – человек с высоким уровнем притязаний, а другой напротив этого лишенный.
– Очень точно! Очень точно ты сказал – как раз такими словами, какими я бы мог сказать. Да, и еще – удовлетворение от того, что он знаменит, такая суетливая потребность оставаться все время на высоте, с одной стороны, а с другой (это я о Колпакове) – полное отсутствие мучений и забот оттого, что он не достиг такого уровня.
– То есть, ты хочешь сказать, что Колпакову хорошо в оркестре, он не рвется к сольным концертам?

Беседа состоялась в конце 80-х годов, может быть, в 88-89-м. Это было не интервью, а просто беседа с Александром Володиным, записанная Михаилом Львовским на пленку. Магнитофон был включен, очевидно, еще и потому, что Володин в тот вечер читал свои стихи. Много новых, только что написанных. И как-то незаметно возникли воспоминания о некоторых вещах володинского творчества, о "Пяти вечерах", о первом сценарии "Звонят, откройте дверь!", о "Похождениях зубного врача" и о других. И переплелись эти воспоминания с размышлениями о непростой работе театрального драматурга и киносценариста. Если вспомнить, что наступила как раз в ту пору знаменитая "перестройка", то, как оказалось, интересно было обратиться к тем личным временам, когда рождались эти пьесы и сценарии, которые стали впоследствии классикой и неслабо изменили ход истории советского искусства.

Я вам обещаю – вас помнить не буду.
Но только вы тоже забудьте меня.

Как будто мы жители разных планет.
На вашей планете я не проживаю.
Я вас уважаю, я вас уважаю.
Но я на другой проживаю. Привет!

Я хочу сказать, что в то же время это очень плохое и обедняющее чувство, а открытость всему, открытость ума, открытость души, делает человека таким же огромным и открытым, как сама жизнь. Вот Пастернак был открыт жизни. А были поэты очень хорошие – закрытые и мрачные и очень хорошие, я их называть не буду, которые на меня так... не действуют.

– Вот если про "Дочки-матери" вспомнить. Там тоже есть два персонажа – такое сопоставление, не знаю, предполагаю ты его или не предполагал, помнишь персонаж, его играл Смоктуновский. Его герой живет все время в муках – "достиг-не достиг, совершил-не совершил" и эдакий Моцарт-Герасимов, он в этих муках не живет, а наоборот, получает лишь одни удовольствия от жизни, он сам любит готовить что-то вкусное, ну и так далее. Предполагаю ли ты это, или тебе это "сделали"?
– Ни о чем не предполагал! Более того, в сценарии, который напечатан у меня в книжке, я образ, который играл Герасимов, просто исключил. Его нет там! У персонажа Смоктуновского было чувство усталости, что ли, от жизни, желание не появляться перед окружающими в таком неприглядном облике. Это было. Но было и хорошее. Была поэзия в душе, поэтому он и стихи писал. Была любовь к жене. А терзания его и смешны, и в то же время естественны. Они, как реакция на этого гомункулуса, которого я написал, в сущности, по просьбе Герасимова. Он хотел сыграть такую роль – такую и сыграл. И он еще и усилил эти качества своего персонажа.

Может быть, он это сделал даже несколько подсознательно, ведь такой характер – маслом по сердцу тогдашнему руководству. Это то, что они всегда хотели видеть и в кино, и в театре. Свою роль он так и сыграл: он – принятый начальством, он обласкан всеми, он такой гений, он с оптимизмом воспринимает жизнь. И вот эта его

ло среди некоторых околосовременных личностей, почему-то присвоивших себе право определять высоту наших литературных успехов и бездну провалов, оценивать их по какой-то неведомой мерке. Похлопывая по плечу очередную "жертву", небрежно так говорилось: "Старик, ты не состоялся!" Сколько среди этих определений вздора наговорено было. В "Пяти вечерах" ведь есть эта проблема? И я всегда злюсь на тех, кто утверждает, что герой – Ильин – "не достиг". Причина: потому что "сидел". В пьесе этого нет, но тогда все равно бы это тебе "выбросили", как нечто запретное. Но эта линия биографии героя как бы домысливается, прочитывается. А если ее нет, то вроде бы нет подлинных "Пяти вечеров". А я представляю, что для тебя важна была в Ильине не должность, которую человек занял, добился...

– Это совершенно верно. По-человечески внутренне достичь, стать личностью, дано очень немногим, а достичь "по положению" проще, это могут многие. А что касается темы – у меня была такая мысль, что он вернулся "оттуда". Но не в том для меня было дело, что он сидел, и несправедливо, а что это одно из обстоятельств жизни. Тогда ведь, сказав лишнее слово, человек запросто мог "сесть". Но в то время, когда я это писал, была очень модной тема: вернулся "оттуда". И поэтому я ее не убрал, а так несколько завуалировал. Но не в этом дело – думайте, как хотите! В спектакле Товстоногова, например, Ильин подсовывал под дверь паспорт, чтобы показать, что он полноправный человек, что паспорт чист. Потом я просто отвлекся от этой темы, не стал ее будировать. И если она отсутствует, то существенней становится другая тема.

– Однажды Дезик Самойлов сказал об одном из поэтов: "не удался не как поэт, а как человек, прежде всего". По-моему, это очень важно. Мне очень интересны люди не по критериям официальным не достигшие, а по критериям душевным осуществившиеся.

– Совершенно верно. Для меня абсолютно неважны портрет в газете, пост, награды. А вот когда мне как-то сказали, и совершенно искренне сказали, и я это почувствовал, "мы дали читать вашу книжку своему больному сыну", я подумал тогда: аа-а! значит я сделал для кого-то что-то полезное, это что-то кому-то что-то дало! А "положение" – Господи! Да никогда! Это еще с армии у меня. Не хотелось быть полковником, например, а хотелось жить в нормальной гражданской жизни.

– Вспоминаю твои стихи про элиту. Или про те, с камерой на стадионе, помнишь?

– Да, да... "Вот девушка ест мороженое. // Она в очках. Но очки ей идут. // А больше знать нам не положено. // И она хорошая, ей очки-то идут!"

Эта элита признает мадонну Литга.

А для элиты той

Литга – звук пустой.

Она ценит, однако,

Кафку и Пастернака.

Сколько разных элит!

.....

Между сытыми, мытыми

Извиваюсь элитами.

Свою линию гну:

Разговор по душам с Александром Володиным

Начало на 11 странице

Не попасть ни в одну.

– Вот я и думаю, что колпаковский сигнал "Всем, всем, всем!" – это сигнал сольного концерта этого человека.

– У меня такое чувство, что Ролану, – во всяком случае, в то время, когда шли съемки "Звонят, откройте дверь!" – было свойственно такое отношение к жизни. Это я понял впервые, когда посмотрел картину, которая стала одной из любимых моих картин – "Пропало лето", там были так называемые "гэги", их было так много, и все, что там происходило, было так изумительно жизненно, и он так хорошо работал и с актерами и с детьми. Вот тогда он стал для меня просто любимым режиссером.

– "Пропало лето" вышло после "Звонят, откройте дверь!" или раньше?

– Ой, до! До! До! Для меня это была первая картина, по которой я его узнал как режиссера. И из-за этого мне бы хотелось, чтоб он снимал "Похождения зубного врача". Тогда руководителем того объединения был Ромм, и он настаивал, чтоб снимал Элем Климов, а он человек совершенно другого склада. А Ролан, вот в этой картине, был жизненно, поразительно талантлив радостным восприятием всего забавного и диковинного в жизни.

Насколько я помню, лучшие – по определению – из кинорежиссеров, во всяком случае в годы так называемого застоя, да и прежде тоже, наиболее состоявшиеся, наиболее известные, были очень близки к правительству, так сказать, делали декорацию жизни, которая была удобна. Среди них очень много было элитарных людей. А Быков в то время не был элитарным. Я помню, как он метался, приходил и к тебе, и ко мне, все время в каких-то творческих поисках, муках, хотя картина "Пропало лето" просто ошеломительная. Я очень хотел тогда, чтобы "Зубного врача" снимал Ролан.

– Аа-а! Ты наш разговор записывал, что ли? Зачем?

– Во-первых, наверное затем, чтобы по прошествии десятилетия лет вернуться памятью к некоторым событиям наших театрального и киноискусства, которые сейчас уже предстают как далекая история (особенно на фоне нашего телевидения, поглощающего все и вся, да и суперсовременных театра и кино). А во-вторых, всегда интересно, что сам автор думает о своих сочинениях и о себе самом. В свое время достаточно много писалось о творчестве Володина. И не грех освежить в памяти, какой была критика 60-70-х и до того, – она либо крушила, либо возносила, смотря по обстоятельствам.

Как велели, так и делаем,
Мы сознательный народ,
Называем черным белое,
Можем – и наоборот! (М.Львовский)
Наверное, это действительно уже история...

Казалось время шло и шло, // Тем временем оно бежало, – писал Володин. Он прочитал тогда одно четверостишие, которое и сейчас, спустя почти десять лет, звучит очень актуально.

Солнечным сиянием пронизан,
Ветром революции несом,
Над Землей парит социализм
С получеловеческим лицом.

Володин читал много прекрасных стихотворений – "Над грустной землею Грузии", "Я побежден самим собой", "В годном городке над Волгой", "Нас времена три раза били", "Как безупречна гибель в блеске сцены", "Неверие с надеждой так едины" и другие... А под конец сказал: "Вот еще такое четверостишие":

Так неспокойно на душе.
Умнее быть, твержу, умнее!
Добрее быть, твержу, добрее!
Но мало времени уже.